

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачева

Исповедь свекрови,
ИЛИ
Урок Парацельса

Р О М А Н

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
А. Дурасова

Редактор серии *В. Горюнова*

Колочкова, Вера.

К61 Исповедь свекрови, или Урок Парацельса : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168554-6

Сложно быть матерью взрослого сына. Сложно быть хорошей для всех его жен и подруг — принимать их без строгой оценки, не мешать и одновременно помогать по мере сил. И вообще нелегко быть идеальной свекровью. Да и просто свекровью... Нужно уметь сохранять баланс, чтобы не переборщить ни с заботой, ни с помощью любимому чаду, ни с умными советами. Ведь недаром говорят: глупая свекровь теряет сына, а умная обретает дочь. С этой мыслью и живет Александра, стараясь с уважением относиться к выбору своего Лёвы — не вредить ни ему, ни его женщинам, ни себе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168554-6

Мы все когда-то начинаем лгать,
Но сколько бы в грядущем и прошедшем
Мы с вами ни обманывали женщин,
Есть первая обманутая — мать.

Евгений Евтушенко

Глава I **АРИНА**

Электричка резво летела через апрельский полдень, словно радуясь весне. Летим, летим! Расступись, апрель! Стучим колесами, старым железом скребем-играем у пассажиров на нервах! Нет, и впрямь... Куда летим-то? Над лесами, над полями? Даже в окно толком не поглядеть — солнце по глазам бьет... Не в глаза, а именно по глазам, сбоку, наотмашь.

Надо было темные очки с собой прихватить. Сама виновата, не догадалась. Теперь сиди, щурься на солнечную назойливость, усугубляй и без того усугубленные возрастом «гусиные лапки». Бессовестное ты, апрельское солнце, вот что я тебе скажу. Думаешь, все тебе так рады? Ага... Счастливы прям. Особенно в этой переполненной народом дачно-субботней электричке.

Нет, с одной стороны, хорошо, конечно, что весна случилась ранняя и солнечная. Еще и майских праздников не было, а уже первые листочки на деревьях вылупились. Нежная зеленая дым-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ка, едва уловимая, как обещание, как надежда... Красиво, кто бы спорил, но солнце куда спрятать! Расплясалось яркими снопами по вагону. А в снопах пыль — серая, зимняя. Много, много пыли. И мысли в голове тоже пыльные. И все еще зимние. Вялые, раздраженные, авитаминозные.

А с чего им веселыми-то быть, интересно? Если живешь в голоде, холоде да в работе-заботе, и никаких тебе радостей... Только одна радость и выдалась — к Прокоповичам на дачу съездить. Подышать. Отдохнуть. Выспаться. Согреться, наконец.

Хотя, если озвучить ее мысленные стенания, смешно звучит, наверное! Особенно про голод и холод! Ну да, этот самый голод она сама себе и придумала, следуя многолетней привычке, как всякая уважающая себя женщина... Строгая весенняя диета называется. Ничего нельзя. Ни жирного, ни мучного, ни сладкого. Ни-че-го. Понятно, что для организма сплошное вредительство, но похудеть-то к лету все равно хочется! Влезть в любимые белые брючки, рубашечки-маечки, еще трепыхнуть крылышками напоследок... И не беда, что этот «напоследок» из года в год перескакивает, как переходящее красное знамя. Всегда же думается, что именно этот «напоследок» — самый что ни на есть критический. Не в том смысле, что помирать пора, а в том, что круглая пенсионная дата аккурат этой зимой и настигла, черт бы ее побрал... А дальше...

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

А дальше — не будем о грустном. Тогда о чем бишь она? А, о голоде и холоде. Да, голод сама придумала, потому не обидно. Но относительно холода — это уж извините, господа хорошие, подвиньтесь! Это уже из ряда вон какое коммунальное безобразие! Нет, кому в голову пришло, интересно, чтобы отопление с приходом первых солнечных дней отключать? Они ж только с виду — солнечные! А на ощупь — ой какие обманчиво холодные! И неудобные! И со столбами зимней пыли внутри. Вот и получается, что на фоне голодно-холодного неуютия ничего и не складывается. Ни жизни нормальной, ни работы-заботы. Более того, про всякую работу-заботу даже и думать не хочется! А думать надо, иначе вытолкнут на пенсию, только перья полетят...

А может, бог с ним, и с работой, и с перьями? Нароботалась уже? Много ли ей одной надо? Тем более у сына своя семья, свои заработки... Устала, хватит. Чего-чего, а такого добра, как работа-забота, всегда в ее жизни хватало, ни разу ни с одной синекурой не повезло. А что делать — она тетка ответственная. Родом из уходящей гвардии чиновниц-отличниц, которые лучше борщом для семьи поступятся, чем сданным не вовремя квартальным отчетом.

А голодный желудок так и вымаливает для себя хоть что-нибудь. Не удовлетворила его тертая морковка на завтрак. Где-то в недрах сумки маленькая шоколадка, помнится, болталась... По-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

искать, что ли? Тем более еще добрых сорок минут в электричке трястись.

Ага, нашлась шоколадка. Радуйтесь, жалкие дутые зернышки, политые коричневой химической патокой, что называю вас таким гордым именем. Хм, шоколадка... А ничего, вкусно с голлодухи... Червячка заморить можно. Все как в рекламе. Как там? Съел — и порядок. Заряди мозги. Уступи соблазну, поцелуй меня в пачку. Молоко вдвойне вкусней, если это... Нет, это уже из другой оперы, кажется.

Пока жевала, вспоминала недавний разговор с Катькой Прокопович. Аккурат про весеннее похудание тема была. Злободневно веселая. Любят они с Катькой повеселиться, этого у них не отнимешь.

— Сашк... Ну чего ты опять с собой творишь? Зачем тебе худеть в твоём возрасте?

— А мне в худом виде жить легче, Кать. Сподручнее как-то. Когда ветер по ребрам гуляет, я изнутри музыку слышу.

— Ну, не знаю, как там насчет музыки... А по-моему, это несколько неприлично — встречать пенсию в худобе. Я бы сказала — вызывающе.

— В смысле — вызывающе? Для кого — вызывающе?

— Для общества. Некоторые и к тридцати такой стройности не имеют, а ты перешагнула за полтинник и обнаглела совсем. Совесть надо иметь, Сань.

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

— Прости, Кать. Прости ты меня, дуру глупую. Капустки квашеной хочш? Почему не хочш?

— Да ладно, не придуривайся, все равно гениальную Чурикову не переиграешь. А если серьезно, Сань... Не понимаю я, зачем себя так мучить? А главное — для кого?

— Для себя, Кать, для себя. Объясняю же. Мне так жить легче. Одиночество лишних килограммов не любит. Для него это дополнительный стресс. А музыку одиночество любит. Вот я сама себя и танцую — под музыку худобы.

— Ага, ага... Но все равно, знаешь... Как-то в нашем возрасте... Худая корова — еще не газель. Вернее, уже не газель. Я вот, например, предпочитаю усредненное состояние.

— Это какое же?

— Ну... Лучше уж быть слегка полноватой газелью, чем худой старой коровенкой.

— Значит, я, по-твоему, худая старая коровенка?

— Нет, не старая... Врать не буду, выглядишь хорошо. Но худая!

— Но коровенка?

— Коровенка!

— А ты, значит, газель?

— А я газель!

— Уточним, толстая газель!

— Не толстая, а слегка полноватая!

— Ладно, на этом давай и сойдемся... Я коровенка, а ты газель. Только слегка полноватая.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Хм... А ты вообще видела когда-нибудь полнова-туую газель? Я, например, не видела.

— Да уж, Сань. Любишь ты утешить, однако.

— И ты...

Хорошо с ней, с Катькой. И на даче у них, у Прокоповичей, тоже хорошо. Коля, Катькин муж, с утра печь истопил, наверное. В доме тепло, уютно. Или баньку... Он всегда к ее приезду баньку топит. Хороший Коля. Замечательный Коля, Катькин муж. Скорей бы уже приехать!

Расслабилась, доверчиво повернулась к окну. Да что ж такое, опять солнце резануло наотмашь! До слез! Какие ж вы назойливые, солнечные весенние радости! Вон, выбирайте для нахальства молодые лица, на них и пляшите! А ей — зачем... Чтобы из глаз лишнюю слезинку выколотить? И без нее, без лишней слезинки понятно, что жизнь уходит...

Опять! Нет, нет, не надо в грустное уплы-вать. Ну уходит жизнь, и что? У всех по боль-шому счету уходит. Да вон, полный вагон таких, как она, если в лица взглядеться. Все тетки после пятидесяти, ни одного молодого лица нет. Ко-го из молодых загонишь в субботу на дачу, гряд-ки копать? Нет, молодые в воскресенье на дачи подтянутся, к обеду, на уик-энды с шашлыка-ми. А в субботу — одни тетки с грустными ли-цами, с прищуром на солнце. Вон та, например, что наискосок сидит. Явная озверелая дачница. Так бережно прижимает котомку с рассадой к

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

пухлomu животу, будто из той рассады молодильные яблоки вырастут. Или золотые монеты, как в сказке про Буратино.

Или вон та... Хотя и налегке едет, но тоже видно, что дачница, только ленивая. Наверняка на своем участке один худосочный газончик организовала и радуется, и думает про себя — выдали мы ваши плебейские грядки с морковкой! Мы ж не такие, мы желаем свежий воздух к интеллигентской лености присовокупить, чтобы как в старые добрые времена...

Да, тетки разные. Но взгляд в окно у всех одинаковый, задумчиво пронзительный, направленный внутрь себя, в накопленную и грустно невостребованную мудрость прожитых женских лет. Взгляд одиночества, в общем. Да, да, именно одиночества. Не обязательно реально имеющегося, скорее внутренне фатально сложившегося. Потому что каждый приходит к старости под руку с одиночеством. А что делать? Так положено. Человек рождается в одиночестве и умирает в одиночестве. А пляски акушерок в роддоме и плачущих родственников у одра — это всего лишь зрительный зал, отделенный от самого процесса светом рампы.

Фу ты, да что такое? Почему ее сегодня на грустное тянет? Хотя почему же грустное? Отнюдь не грустное. Философское, скорее. Если еще раз пробежать взглядом по женским лицам... Все, все по сути одинаковые. На всех читается

ВЕРА КОЛОЧКОВА

калька-судьба, безмятежно счастливых нет и в помине. Одиночество, проблемы с выросшими детьми, безденежье-безмужье... Да и «мужье» тоже выражение лица не шибко меняет. Некоторые тетки, бывает, очень любят обряжать свое одиночество в одежды счастливого замужества, да только получается еще жальче. Потому что природу не обманешь. Потому что старость — это честный союз с одиночеством. Чем выше годами к небу, тем больше сужается круг...

Хотя вдвоем идти к духовному одиночеству все же легче, кто спорит. Даже в физическом смысле не так страшно — это относительно пресловутого стакана воды. От детей-то водички фиг дождешься, чего уж... Да, вдвоем легче, но не всякому такое счастье удастся. Вернее, не всякой. Потому что тетки дольше живут. Тянут свое одиночество годами, как воз... Кому легче, кому тяжелее. Исходя из той вариации, как это одиночество в свое время образовалось. Например, вдовы. У них лица, как правило, исполнены величайшим достоинством, чуть надменные, гордо-скорбные. А у тех, которым стать вдовами не повезло (прости, господи, за кошунство!), которые обыкновенные брошенки, те несут свои постаревшие лица немного стыдливо, немного с заискиванием, с припыленностью-примятостью, как забытое старое пальто на антресолях... Взять хотя бы вон ту тетку, пристроившую в ногах огромный рюкзак. Сидит, улыбается. Зачем

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

улыбается, кому? На всякий случай, в пространство, вдруг пригодится? Извините, что я тут с вами в одной электричке еду? Да уж... Хотя, по сути, это всего лишь оттенки...

Хм. Оттенки. Вспомнила и сразу заулыбалась невольно. Слово-то какое нынче модно-громкое стало. Раньше было просто слово, а теперь его и в мыслях произнести опасаясь. Да уж, было дело, нарвалась на эти «оттенки», прихватила ненароком у невестки Арины книжицу почитать в дорогу... Думала, детектив. Или обыкновенный бульварный романчик. Арина же ее не предупредила, усмехнулась только. От нее, от Арины, лишнего словца не дождешься. Бука, она и есть бука, все молчком да с недовольным лицом... Вот и про книжицу — ни полслова. Только головой мотнула — ага, мол, возьмите, почитайте в дороге, дорогая свекровь Александра Борисовна... Ну, она и открыла книжицу в автобусе, как порядочная. Еще подумала — чего это на нее женщина, сидящая напротив, так пристально смотрит? И усмехается нагло?

Хотя, если честно, ничего такого в этой книжке нет. Не Фицджеральд и не Брэдбери, и даже, как говорится, рядом не стояло. Тоже, развели ажиотаж. Ну, выпался черт на главного героя, и что? Мало на ком он высыпается нынче? Кто бы мог подумать, что фантазии американской домохозяйки у нас такой фурор вызовут? А Катька Прокопович так вообще правильно про эти «оттенки» выра-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

зились — это, говорит, не фурор, а сказка про голого короля! Один прочитал, глаза закатил и помотал головой с придыханием. Потом второму прочитать захотелось, и тоже глаза со смыслом закатил. А третий думает — может, и мне так надо, что ж я буду, как идиот, совсем не в тренде? Надо тоже глаза закатывать и головой мотать... С тех пор и покатились, и покатилося. Закатывают и мотают, мотают и закатывают... И все в тренде числятся, и всем хорошо, и все модные-грамотные.

Тетка с рюкзаком вдруг тревожно повела плечами, глянула на нее вопросительно. Пришлось отвернуть голову к окну — и впрямь, неловко получилось, зачем-то застыла на ней взглядом. Интересно, а у нее самой какой взгляд? Наверное, классический вдовий... Который с достоинством...

Да, конечно. Гриша, если бы жив был, никогда бы ее не бросил. Не предал бы. Не смог бы ей организовать эту обиженную неприкаянность на старости лет. Гриша, Гриша... Восемь лет как тебя нет, а вспомнишь, и сердце болеть начинает. Ушел и даже не узнал, что внука в честь тебя называли... Долго имя выбирали, пока Леве эта мысль в голову не пришла — так в честь папы же надо! Молодец, сынок. Спасибо тебе, Левушка. Уважил.

Помнится, они с Гришей тоже долго для сына имечко подбирали. Хотелось чего-то необыкновенного, нежно-душевного и воркующего, потому как долгожданный был сыночек, по женским

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

больницам выстраданный, в трех монастырях вымоленный. Кучу вариантов перебрали, чуть не поссорились. Потом Гриша вдруг предложил — а давай сермяжно, по гороскопу! Он же в июле родился, значит, Лев! Пусть будет Лев, а, Саш? По крайней мере, со смыслом — всегда отгрызется от нападающих. Она сначала взвилась — грубо, мол! А потом подумала и согласилась. А что, неплохо звучит. Лев, Лева, Левка, Левушка...

Так и жили, так и воспитывали. Ты — Лев, помни об этом. Лучший кусочек — тебе. Любви отцовской-материнской — тоже навалом, хоть объешься. Видать, на пользу пошло. Вырос на чистом сливочном масле царь зверей, красавец блондин, мамин и папин сын... В школе учился — от девчонок отбою не было, хоть двустволку в окно выставляй да отстреливайся. А в институт поступил — и попался на втором курсе в цепкие Ариныны лапки. Залетела. А что делать? Пришлось свадьбу играть. Правда, это уже без Гриши было... И квартиру молодым пришлось покупать тоже без Гриши, все сбережения отдавать, в долги влезать. Арине, видите ли, сразу не захотелось жить со свекровью. Ой, если вспомнить...

Подумала об Арине, и снова заныло сердце. Что-то оно в последнее время часто ныть принимается. Не к добру. Хорошо, что приехали уже... Вон, в репродуктор объявили — станция «Боровки»! Какое веселое название — «Боровки»! Классически дачное!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

* * *

А денек-то прохладный. Да, солнце хулиганит всюю, но коварный апрельский ветер так и норовит огладить лицо не согревшейся после зимы стылой ладонью. Зато землей оттаявшей пахнет — прелесть... Очень чувственно. И птицы поют. И дымка на деревьях здесь больше проклюнулась, чем в городе.

Ладно, пусть будет весна. Разрешаем. Если не думать о вечно плохом настроении, об этой непреходящей, как зубная боль, обиде на невестку, то хорошо же! Солнышко, одуванчики в траве. Вот уже заборы дачного поселка пошли, навозом пахнуло, дымом костров. Мужик в линялых трениках покосившийся за зиму забор поправляет, матерится не так чтобы громко, но от души. Очень у него интеллигентно получается. Вроде и грубо, но слух почему-то не режет. Вот почему так, а? Одни матерятся, словно черным дегтем в душу плюют, а другие — словно ржаным хлебушком угощают, да с луком, да с килькой... Так и хочется засмеяться в ответ или даже присоединиться крепким словцом! Наверное, это от качества человеческой природы зависит, откуда матерок в свет летит. Добротная природа — и матерок добротный, как у этого интеллигентного мужика в трениках.

У Прокоповичей ворота распахнуты настезь. Ага, на участке аккуратная куча опилок желтеет,

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

свеженькая. Значит, завтра с утра эти два муравья Прокоповича, запрягшись в носилки, будут свои драгоценные опилки туда-сюда по участку растаскивать? А она что будет делать, смотреть на них? Вот уж удовольствие... Нет, никогда не понимала этих садово-огородных радостей, этого поклонения морковкиному урожаю. Зачем? Если морковка осенью в овощной палатке — рубль ведро... Ну, разве что себя занять, обмануть лишним телодвижением головушку неприкаянную. Это да. Это как раз можно. Больше работаешь — меньше о плохом думаешь.

И двери на веранду тоже распахнуты. Первое, что бросилось в глаза — толстый Катькин зад, втиснутый в старые Колины джинсы. Нет, как эта газель туда его втиснула, интересно? Коля Прокопович — мужчина худенький, можно сказать тщедушный.

— Ой... Кто там? — вздрогнув, обернулась Катька. — Господи, Санька... Чего ты крадешься все время? Напугала!

Так, понятно, почему зад в Колины штаны втиснулся... Ширинка-то не застегнулась, петелька с пуговкой через отдельную веревочку просто дружат. Катьке, может, удобно, а глазу смешно.

— Привет, Кать. Это что, нынче дачная мода такая? — указала пальцем на клочок фланелевой рубахи, вылезший в прореху ширинки.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ладно... Эти штаны выбросить не жалко, все равно измажусь как черт. Видишь, рассадку разбираю... Хочу сегодня помидоры в теплицу высадить. Как думаешь, не рано?

— Кать... Это ты сейчас с кем разговариваешь?

— А, ну да... Действительно, что это я. Совсем забыла, что ты у нас девушка белорукая. Вся такая внезапная, противоречивая вся.

— Хм... А при чем тут внезапность и противоречивость? Как-то не в тему, Кать.

— Да сама знаю, что не в тему! Это я так, от задумчивости. Жалко, если рассада погибнет... На той неделе, говорят, заморозки обещали. Ну, чего выстроилась на пороге, как налоговый инспектор? Заходи...

Катька сердито сдула со лба челку, глянула на свои руки в резиновых перчатках с прилипшей землей. Подумав секунду, провела по лбу запястьем, свободным от раструба перчатки. Неудачно провела — на лбу осталась черная полоска.

— Кать, а хочешь, я тебе помогу? Ты мне только объясни, что нужно делать. Я способная, я справлюсь.

— Да ладно... Из тебя в этом деле помощница, как из меня балерина. Все ростки поломаешь.

— Да прям... Давай помогу, чего ты!

— Саньк, не зли меня сейчас. Вот садись лучше в кресло, опнишь с дороги, как моя мама, покойница, говорила, помнишь? Тем более это ж

Исповедь свекрови, или Урок Парацельса

твое любимое креслице, Коля специально его сегодня утром со второго этажа на веранду выволок... Сашенька, говорит, приедет, сядет на веранде с горячим чаем, будет воздухом весенним дышать, на природу любоваться...

— Ой, какой он у тебя милый, Кать... Я сейчас заплачу...

— Ладно, не плачь. А вообще, можешь и всплакнуть, Коле приятно будет. Я потом ему расскажу... Нет, что мне с рассадой-то делать? Высаживать, не высаживать? Вон больше половины уже разобрала... И сорт, главное, хороший, у меня такого еще не было... Мне его Марья Алексеевна присоветовала...

Все, улетела в свою помидорную заботу, сама с собой уже разговаривает. Можно и впрямь в любимое кресло завалиться, «опнуться» с дороги. Да, затейница была тетя Лида, Катькина мама, относительно всяческого фольклора... Иногда такое коленце могла выдать, и не поймешь, то ли похвалила, то ли обругала. А чего стоила обращенная к ним с Катькой тети-Лидина знаменитая погонялка — госпожи Чичиковы! Почему госпожи Чичиковы, где госпожи Чичиковы, откуда она это взяла... Если гоголевского Чичикова имела в виду, так у него отродясь никакой госпожи не было. Хотя, наверное, ничего ругательно-го тетя Лида в эту погонялку не вкладывала, она и ругаться толком не умела. Заглянет, помнится, в Катькину комнату, нахмурится через улыбку,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

начнет на них ворчать: «Чего расселись, зады на диване примяли! Пойдемте на кухню, поглядите, как я пирог заворачиваю, может, хоть научитесь, какая-то польза от вас будет! Ишь, сидят, две госпожи Чичиковы, ручки сложили...»

Хорошо было у них, помнится. Легко. По-доброму как-то, без претензий. И всегда пирогами пахло. И борщом. И с Катькой было дружить хорошо. Комфортно. Хотя мама всегда морщила носик в сторону Катьки — что между вами общего, Сашенька, не пойму...

Да ничего не было меж ними общего, это правда. Тетя Лида работала продавщицей в овощном магазине, а Катька была дочкой продавщицы овощного магазина. А ее мама работала завлабом в каком-то научном институте со сложной аббревиатурой, и что? Невелика должность — завлаб, особенно в тех НИИ, еще доперестроечных, а вот поди ж ты, какой снобизм. Карьера превыше всего. «Надо идти вперед, Саша, не стоять на месте. Ты обязательно должна поступить в институт. Надо поставить перед собой цель и упорно ее добиваться. Надо, Саша, надо...»

Кто ж спорит, надо, конечно. Она с мамой и не спорила. Но часто бегала-таки в Катькин мешанский уют, чтобы погреться-опнуться. Бегала от этого «надо», от унылого полезного винегрета и супа из пакетика туда, где пахло пирогами и борщами. К салфеточкам, коврикам, кудрявым занавескам. В любовь и комфорт, где тебя при-